

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ГЕОПОЛИТИКИ

УДК 327

DOI: 10.37468/2307-1400-2022-3-34-42

РОЛЬ РОССИИ И КИТАЯ В ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА В СВЕТЕ ТЕОРИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО БАЛАНСА

Хлопов Олег Анатольевич¹

¹Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется деятельность Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и взаимодействие Китая и России по продвижению идеи формирования Большой Евразии как незападного международного сообщества с целью реализации своих геостратегических, внешнеполитических и экономических интересов. На основе теории институционального баланса раскрывается значение ШОС за последние 20 лет, расширение членского состава и географического охвата, а также некоторые проблемы, с которыми она столкнулась при консолидации и реализации своего потенциала. Хотя у Пекина и Москвы много общих интересов в регионе, их приоритеты и подходы могут не всегда совпадать.

Автор приходит к выводу, что наиболее важная трансформация ШОС как региональной организации заключается в ее полезности в эксклюзивной стратегии институционального балансирования для КНР и России, чтобы предотвратить широкое влияние США в Центральной Азии, укрепить доверие между государствами-членами и превратить ШОС в региональное сообщество безопасности для защиты интересов стран-членов.

Ключевые слова: региональная безопасность, институциональное балансирование, сотрудничество международные отношения, ШОС, Россия, КНР, США.

THE ROLE OF RUSSIA AND CHINA IN THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION IN THE LIGHT OF THE INSTITUTIONAL BALANCE THEORY

Khlopov O.A.¹

¹Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article analyzes the activities of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) and the efforts of China and Russia to promote the idea of forming Greater Eurasia as a non-Western international community in order to embody their geostrategic, foreign policy and economic interests. Based on the theory of institutional balance, the article reveals the significance of the SCO over the past 20 years, the expansion of membership and geographical coverage, as well as some of the problems that it faced in consolidating and realizing its potential. Although Beijing and Moscow have many common interests in the region, their priorities and approaches may not always coincide.

The author argues that the most important transformation of the SCO as a regional organization lies in its usefulness in an exclusive institutional balancing strategy for the PRC and Russia to prevent widespread US influence in Central Asia, to build trust among member states, and to turn the SCO into a regional security community for protecting the interests of member countries.

Keywords: regional security, institutional balancing, cooperation, international relations, SCO, Russia, China, USA.

Влияние ШОС на формирование нового порядка безопасности в Евразии

Региональное соглашение, созданное после успешного разрешения пограничных споров между Китаем, Россией и тремя республиками

Центральной Азии привело к созданию в 2001 г. Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). За последние десятилетия ШОС превратилась в региональный институт с расширенным списком официальных членов, стран-наблюдателей и

партнеров по диалогу. Она также установила отношения с другими региональными и глобальными организациями от ООН до Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Географический охват ШОС распространился на Южную Азию с принятием Индии и Пакистана в качестве членов в 2018 г.

В настоящее время в ШОС входят 8 стран государств-членов: Индия, Казахстан, КНР, Республика Пакистан, Россия, Таджикистан, Узбекистан; 4 страны имеют статус государств-наблюдателей при ШОС: Афганистан, Беларусь, Иран, Монголия; 6 стран являются партнёрами диалога: Азербайджан, Армения, Камбоджа, Непал, Турция, Шри-Ланка.

Мандат ШОС расширился по сравнению с его первоначальным фокусом на «три зла» — терроризм, сепаратизм и экстремизм, включая широкий спектр проблемных областей, охватывающих энергетическую безопасность и сотрудничество, экономическое развитие и другие возникающие нетрадиционные вызовы безопасности.

Потенциал ШОС – стать частью новой архитектуры безопасности в Евразии вместе с другими региональными институтами, такими как ОДКБ и Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и, в некоторой степени, Советом по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА). Китай и Россия уже предприняли некоторые скоординированные действия, пытаясь превратить Большую Евразию в то, что аналитики называют в западном международном сообществе. Напряженность США в отношениях с Россией и Китаем еще больше побудила Пекин и Москву работать в этом направлении. На ШОС с ее нынешним составом (еще не включая Иран) приходится 40% населения мира и 20% глобального ВВП, что обеспечивает большой потенциал как в геоэкономическом, так и в геополитическом плане [1].

Секретариат ШОС был создан в 2004 г.; за этим последовало создание в 2005 г. Региональной антитеррористической структуры (РАТС). ШОС на протяжении многих лет также стремилась развивать и поощрять более тесное экономическое и энергетическое сотрудничество

между государствами-членами. Было предложено создать Банк развития ШОС для содействия региональной торговле и инвестициям. С 2005 г. два раза в год проводятся совместные военные учения государств-членов «Peace Mission». Китай и Россия были ключевыми игроками в ШОС, и организация также все больше становится платформой, на которой делаются важные заявления по международным делам.

На протяжении более двух десятилетий ШОС постепенно развивалась, имея на сегодня различные уровни механизмов диалога, начиная от ежегодных встреч глав государств на высшем уровне, консультаций премьер-министров и глав парламентов до целого ряда встреч на уровне министров, посвященных вопросам обороны, внутренней безопасности, экономическому развитию и финансам [2].

Когда ШОС отметила свое 20-летие в Душанбе, Таджикистан, в сентябре 2021 г., была достигнута еще одна веха, когда был начат официальный процесс рассмотрения вопроса о полноправном членстве Ирана в организации. Организация расширила свой состав после того, как в 2017 г. она приняла Индию и Пакистан в качестве полноправных членов. С Ираном в качестве нового дополнения ШОС расширит свое присутствие на Большой Ближний Восток, уже охватив Среднюю Азию и Южную Азию. Азия [3].

Решение о начале процедуры приема Ирана в ШОС было принято на заседании Совета глав государств ШОС в Душанбе в сентябре 2021 г. На заседании Совета глав государств-членов ШОС в сентябре 2022 г. в Самарканде предполагается подписание Меморандума об обязательствах Ирана в целях получения статуса государства-члена ШОС, после чего будет оформлено окончательное решение о вступлении Ирана в организацию.

Нет никаких сомнений в том, что включение Ирана в ШОС имеет важные последствия. Если включить в нее членов-наблюдателей и партнеров по диалогу, ее географический охват уже является фактом жизни. Аналитики спорят о том, кто выиграл от расширения Иран или ШОС, но

Тегеран явно получил место в региональной организации, когда он чувствует себя изолированным и надеется, что его членство откроет возможности для расширения политической, экономической, и культурные связи со странами региона, где на карту поставлены его интересы, включая ослабление санкций [4].

Концепция институционального баланса как основа политического равновесия в Евразии

С окончанием «холодной войны» и периодом относительной стабильности и даже сотрудничества между двумя главными бывшими антагонистами на глобальном уровне в 1990-е гг. появились новые инициативы и договоренности, призванные устранить то, что воспринималось как вакуум власти, и предотвратить конфликты на региональном уровне. Например, в Азиатско-Тихоокеанском регионе Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) инициировала многостороннее соглашение по безопасности в форме Регионального форума АСЕАН, целью которого было вовлечение всех основных держав региона в диалоги о доверии, превентивная дипломатия и разрешение конфликтов [5].

В Европе, с другой стороны, с распадом Советского Союза и роспуском Организации Варшавского договора появились новые или измененные механизмы безопасности, такие как Организация по сотрудничеству в области безопасности в Европе (ОБСЕ), Программа (НАТО) «Партнерство ради мира» для облегчения перехода к Европе после «холодной войны». Эти изменения могут быть объяснены на основе *теории концепции институционального баланса (institutional balancing theory)* [6].

Институты создаются либо потому, что великие державы создают их для снижения транзакционных издержек, закрепления норм и правил в своих интересах, либо в ответ на спрос на них. Эти события часто происходят в важные моменты международной истории, когда неопределенность обстановки либо требует вмешательства великих держав, либо требует создания институтов для обеспечения стабильности [7].

В других случаях государства, некоторые из

них берут на себя инициативу, объединяются для создания институтов для решения конкретных вопросов, а затем расширяют их мандаты, укрепляют их структуры и возлагают на них дополнительные задачи. Формирование ШОС можно отнести ко второму случаю.

Благосостояние и жизнеспособность учреждений зависят от приверженности членов, часто более влиятельных, их поддержанию и обновлению, а их внутренние нормы, правила и структуры могут также требовать периодической корректировки, поскольку распределение полномочий в рамках регистров существенно меняется. Когда корректировки не происходят или когда они происходят медленно, институты вступают в периоды неэффективности и кризиса функционирования из-за сильных внутренних разногласий между государствами-членами. Кроме того, недовольные члены могут создать собственные институты для решения вопросов, которые они считают более важными.

Вызовы, с которыми в последние годы столкнулись международные институты, большая часть которых была создана после Второй мировой войны, дают стимулы для академических дискуссий и изучения условий и обстоятельств создания и функционирования международных организаций.

Существующие институты либо приспособляются, либо не приспособляются к изменяющейся среде международных отношений, а при этом появляются развивающиеся страны и входящие державы, которые используют возможности, чтобы требовать изменения и продвигать свои собственные интересы, которым существующие институты больше не могут служить или даже им препятствуют.

Инициативы Пекина по запуску инициативы «Один пояс, один путь» и созданию Азиатского банка инфраструктурных инвестиций представляют собой попытки обойти, а не заменить существующие институты в международных экономических отношениях. В этом контексте институты становятся средствами, с помощью которых великие державы, существующие и

новые, соревнуются либо за сохранение, либо за расширение своего влияния и своей доли выгод.

Теория институционального баланса пытается объяснить стратегии, принятые новыми державами для защиты и продвижения своих интересов, не бросая фундаментальных вызовов существующим институтам, поскольку это может повлечь за собой значительные затраты без гарантий успеха [8]. Однако они также не удовлетворены структурой власти, правилами и процедурами, а также распределением благ, которые по-прежнему благоприятствуют существующим полномочиям, несмотря на изменение распределения власти [9].

После глобального финансового кризиса 2007–2008 гг. вопросы управления стали еще более важными с точки зрения координации глобальных и региональных вызовов посредством многосторонних усилий, а также для решения нормативных вопросов о том, что и как управлять [10].

Например, большинство государств, не обладающих ядерным оружием, в последние годы все больше разочаровываются и недовольны темпами ядерного разоружения в рамках существующей институциональной архитектуры – Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО, принятый в 1968 г.). В результате они призвали и согласовали новый Договор о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО, принятый в 2017 г.) для решения этой проблемы [11].

Другой пример – учитывая свою растущую мощь, Китай стал более активно участвовать в различных международных и региональных форумах, предлагая «китайские голоса» и предоставляя «китайские решения» в области общественного здравоохранения, изменения климата, финансовой реформы [12].

В то время как оспариваемая многосторонность отражает фрагментацию власти, теория институционального баланса предлагает концептуальную основу для описания стратегий, которые новые державы могут использовать для продвижения национальных интересов.

Теория различает инклюзивную и эксклюзивную балансировку. Инклюзивная балансировка предполагает включение государства в между-

народный институт, и пользоваться правами и нормами для поведения на международной арене. Кроме того, инклюзивное институциональное уравнивание также служит для того, чтобы успокоить амбиции государства и работать с ним, чтобы справиться с подозрениями в отношении намерений и растущей силы государства, и объединить усилия с ним для продвижения общих программ и интересов. В контексте ШОС это было осуществлено Пекином, который заверял Россию в том, что растущее присутствие Китая в Центральной Азии связано не столько с заменой России, сколько с сотрудничеством с ней для продвижения их общих интересов. Подходы Пекина были относительно последовательными, несмотря на то, что разрыв между экономической мощью Китая и России увеличивался, и что государства Центральной Азии видят ценность в расширении своих экономических связей с Китаем.

Эксклюзивное балансирование, с другой стороны, исключает государство из международного института, одновременно мобилизуя ресурсы данной организации для противодействия предполагаемым или реальным угрозам со стороны исключаемого государства [13].

Например, первоначальное Транстихоокеанское партнерство (ТТП), о котором договорилась администрация Обамы, и недавно объявленная Индо-Тихоокеанская экономическая структура (ИПЕФ) не включали Китай, хотя Китай является крупнейшим торговым партнером почти всех государств-членов этих двух стран.

По мере развития ШОС ее роль, а также интересы Пекина и Москвы в использовании регионального института для исключения или, по крайней мере, сведения к минимуму влияния и присутствия США в Центральной Азии. Эти усилия нашли отражение в различных совместных заявлениях ШОС о необходимости установления нового международного порядка с акцентом на праве государств выбирать свои собственные политико-экономические системы без вмешательства извне; и более тесное сотрудничество и политическая координация в области борьбы с терроризмом, совместных военных

учений и сотрудничества в правоохранительных органах [14].

Выбор государством инклюзивной или эксклюзивной стратегии балансирования зависит от расчета прибыли и убытков и от конкретных рассматриваемых вопросов, а также от степени его влияния или его отсутствия. Если государство ценит большую легитимность и ищет более широкой поддержки и признания того, чего оно стремится достичь, оно, скорее всего, отдаст предпочтение инклюзивному институциональному балансированию. Сотрудничество России и Китая в рамках ШОС может быть примером такого типа стратегии институционального балансирования, когда обе стороны стремятся ограничивать влияние и глобальные стремления США, а также использовать ресурсы друг друга для продвижения своих общих интересов [15]. Пекин и Москва видят преимущества формирования Большого евразийского сообщества незападного типа для защиты своих основных интересов и делают ставку на природные ресурсы и экономический потенциал региона для укрепления своей власти и влияния в переходе от однополярного к многополярному миру [16].

Роль членства Китая в ШОС в реализации своих интересов

Россия и КНР сыграли решающую роль в создании ШОС после распада Советского Союза в ответ на возникающие нетрадиционные вызовы безопасности. Со временем ШОС превратилась в региональную организацию, которая имеет важное значение для растущих интересов Китая в Центральной Азии и Евразии. КНР все чаще стремится влиять на организацию и формировать ее в поддержку своей стратегии институционального баланса, в том числе добиваясь одобрения Россией своих дипломатических программ в регионе, начиная от энергетической безопасности и большей экономической интеграции и заканчивая сопротивлением и предотвращением влияния США в регионе.

Китай имеет свою перспективу и интересы, учитывая его экономические и геополитические амбиции в Евразии. Работа в рамках ШОС и

с Россией придала Пекину уверенности, но также заставила его осознать проблемы. Трудности России после начала специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г. предоставили Китаю возможность укрепить свои позиции в Евразии. В то же время российско-украинский конфликт создал серьезные проблемы для Пекина как в результате значительного ослабления России, так и в результате более объединенной Европы и более тесных трансатлантических отношений. Конфликт на Украине привел к серьезной проблеме в программе Китая, заключающейся в сочетании его избыточной способности связывать страны, включая Украину, вдоль транспортного маршрута со строительством инфраструктуры, которая может преобразовать регион и превратить Евразию в коридор для китайской торговли, вплоть до самого сердца Европы в рамках проекта «Один пояс – один путь».

Китай продолжает рассматривать ШОС как важную региональную организацию по обеспечению безопасности, и Пекин все чаще использует свое растущее влияние в Центральной Азии для дополнения мер, особенно с упором на уйгурские сепаратистские движения, включая усиление сотрудничества правоохранительных органов как через механизм ШОС, так и через двусторонние договоренности. ШОС вместе с другими региональными институтами, такими как ОДКБ и ЕАЭС, позволила Китаю и России сформулировать и реализовать эксклюзивные институциональные стратегии, чтобы исключить присутствие США и минимизировать их влияние в Центральной Азии, где Пекину и Москве удалось укрепить свои позиции, взрастить чувство общности и расширить географический охват в Южную Азию и Большой Ближний Восток с новыми членами.

Во многих отношениях ШОС предоставила Китаю возможность проецировать мощь на Центральную Азию, а также обеспечить безопасность поставок энергоносителей и продвигать свои экономические интересы. Страны Центральной Азии также обращаются к Китаю за инвестициями, экономической помощью и сотрудничеством в области безопасности.

Американские аналитики предполагают, что Пекин использует возможности для совместных военных учений, чтобы познакомить НОАК с зарубежным опытом, координируя свои действия с другими вооруженными силами в Центральной Азии под эгидой ШОС. Поступали сообщения о создании Китаем в Таджикистане и контртеррористических патрулях в районе границы между Афганистаном, Китаем и Таджикистаном [17].

Хотя Пекин видел свою роль лидера в этом начинании, учитывая его явный экономический и политический вес по сравнению со своими слабыми соседями, он также остается чувствителен и внимателен к мнению Москвы о своем статусе. По сути, совместное управление организацией со стороны России и Китая обеспечило относительную стабильность в регионе, а ШОС – жизнеспособность и даже процветание. При этом Россия и КНР могут вместе взаимодействовать и в других регионах мира, например в регионе Персидского залива [18].

В то же время перед ШОС существует ряд вопросов. В какой степени организация может играть более заметную роль и решать вопросы безопасности и экономики, которые связывают три важнейших региона в глобальном геополитическом и геоэкономическом ландшафте. Сюда может входить стабильность Афганистана в его реконструкции после ухода США. Контактная группа ШОС-Афганистан, созданная в 2005 г., теперь может усилить свое влияние. Китай заинтересован в том, чтобы добиться от правительства Талибана обязательств не позволять уйгурским сепаратистским группировкам, таким как Исламское движение Восточного Туркестана, использовать Афганистан для дестабилизации региона Синьцзян. Однако с возвращением талибов к власти не ясно, сохранится ли этот механизм, и пока нет никаких признаков в том, что ШОС готова ввязываться в крайне нестабильную ситуацию [19].

После возвращения талибов к власти в Афганистане на повестку дня организации была поставлена роль ШОС в смягчении неопределен-

ной обстановки безопасности в регионе. Она пока не намерена признавать новый режим в Кабуле, но может играть более активную роль, учитывая исключительную важность Афганистана для его соседей, многие из которых являются членами ШОС [20]. Однако достижение консенсуса внутри организации будет сложной задачей, поскольку члены придерживаются разных позиций в отношении того, как реагировать на Талибан.

Более глубокое участие ШОС в области безопасности и развития зависит от того, насколько совпадают внутренние интересы и приоритеты государств-членов, подкрепляемые внешним давлением и возможностями. По всей вероятности, способность ШОС влиять и даже активно строить региональную архитектуру экономики и безопасности останется ограниченной, избирательной и постепенной. Это понятно, учитывая разнообразие и сложность трех регионов – Центральной Азии, Южной Азии и Ближнего Востока, а любое обсуждение консолидации ШОС в организацию, подобную НАТО, остается отдаленной, если не невозможной, перспективой, и на нее может повлиять то, как будут развиваться отношения между США и Россией и США и Китаем [21].

По мере своего развития ШОС также сталкивалась с рядом других проблем, особенно если смотреть с точки зрения России и КНР, использующих организацию в качестве стратегии институционального баланса, чтобы свести к минимуму, если не предотвратить, установление более постоянного присутствия и расширения своего влияния в регионе Соединенных Штатов.

Несколько государств-членов ШОС разрешили США создавать или использовать военные базы для поддержки своих операций в Афганистане. Такое американское военное присутствие может стать более постоянным, что встревожило Китай и Россию. Поддержка США того, что было охарактеризовано как «революция тюльпанов» в Кыргызстане в 2005 г., убедила Пекин и Москву в необходимости укрепления внутренней сплоченности организации, общих ценностей и скоординированных ответов на попытки вмешательства извне.

Активная поддержка со стороны России в продвижении членства Индии также соответствовала геостратегическим амбициям Китая, поскольку она еще больше расширила присутствие ШОС в двух важных регионах, за счет вступления Индии и Пакистана в 2017 г. Кроме того, включение Индии в ШОС, наряду с существующей группой БРИКС и трехсторонней структурой Китай-Индия-Россия, означает, что усилия Вашингтона по привлечению Нью-Дели к сдерживанию вызовов Китая в Азии могут быть в некоторой степени ограничены. В то время как Нью-Дели, вероятно, по-прежнему будет считать сотрудничество с США важными внешнеполитическими целями, членство в ШОС и общие взгляды с Пекином на продвижение многополярного международного порядка также предполагают, что Индия будет более осторожно относиться к присоединению или восприятию ее как части любого антикитайского окружения. Участие Пакистана позволит ШОС расширить помощь и координировать политику в борьбе с терроризмом и этническим сепаратизмом, которые представляют собой серьезную угрозу безопасности для интересов Китая.

Во время администрации Б.Обамы США стремились сохранить свое первенство в Азии, запустив многоаспектную стратегию «поворота» («перебалансировки») в направлении Азии, в основном в ответ на предполагаемую и реальную растущую мощь Китая в регионе. Несмотря на то, что администрация Б.Обамы уделяла большое внимание военным аспектам передислокации большей части военно-морских и военно-воздушных сил США в Азию, на самом деле она стремилась расширить дипломатические связи и партнерские отношений в области безопасности, а также разработать региональное соглашение о свободной торговле – Транстихоокеанское партнерство (ТТП) для восстановления экономического импульса и сдерживания растущего влияния Китая [22].

Расширение ШОС также сопряжено с потенциальными рисками, особенно если она окажется втянутой в индо-пакистанские конфликты. Учитывая долгосрочные индо-пакистанские конфликты и растущую напряженность между

Китаем и Индией, удержание их от переноса своих споров в организацию стало для Пекина важнейшей управленческой проблемой.

Создание и консолидация ШОС помогли государствам-членам не только лучше координировать свои действия и распределять ресурсы в ответ на эти вызовы, но и со временем способствовали формированию чувства общности, когда общие интересы еще больше стимулируют сотрудничество между государствами-членами. Стабильная Центральная Азия и сотрудничающая Россия служат интересам Пекина в поддержании региональной безопасности и стабильности, а также в использовании и развитии потенциала сотрудничества в области энергетики, торговли и инвестиций [23].

С момента своего создания в 2001 г. и с учетом меняющихся интересов в регионе политика России и КНР в отношении ШОС включала в себя как инклюзивные, так и эксклюзивные стратегии институционального балансирования, поскольку они продвигают альтернативный механизм региональной безопасности, который направлен на исключение или ограничение влияния США в Евразии.

Таким образом, Россия и КНР сыграли решающую роль в создании ШОС после распада бывшего Советского Союза в ответ на возникающие нетрадиционные вызовы безопасности. Со временем ШОС превратилась в региональный институт, имеющий решающее значение для растущих интересов России и Китая в Центральной Азии.

КНР все чаще стремится влиять на организацию и формировать ее в поддержку своей стратегии институционального баланса, в том числе добиваясь одобрения Россией своих дипломатических программ в регионе, начиная от энергетической безопасности и большей экономической интеграции. В последнее время эта стратегия также проявилась в расширении членского состава ШОС до Индии, чтобы свести к минимуму шансы оси Вашингтон-Дели против Китая.

Дальнейшее расширение членского состава до Ирана открывают новый географический охват в Центральной и Южной Азии. Трансформация ШОС как региональной организации основана на стратегии институциональному баланси-

ванию, проводимая Россией и КНР в отношении США, чтобы предотвратить влияния Соединенных Штатов в Центральной Азии.

Конфликт на Украине поставил перед Китаем серьезные вопросы относительно того, как ему поддерживать важные партнерские отношения и продвигать их общие интересы через ШОС и другие региональные институты, чтобы отделить себя от украинского конфликта, и тем, чтобы не оттолкнуть Москву.

Для России и КНР очень важно сохранить ценное стратегическое партнерство ШОС, несмотря на временами конкурирующие интересы и различия во внешнеполитических подходах, а также жизнеспособность и единство этой организации.

Список литературы

1. *Хакимов Б. М.* ШОС и проблемы евразийской безопасности // *Международная жизнь*. – 2021. – № 2. – С. 144-145.
2. ШОС. Душанбинская Декларация двадцатилетия ШОС. Душанбе, 17 сентября 2021 года.
3. *Малышев Д. В.* Шанхайская организация сотрудничества и ее роль в системе современных международных отношений (к 20-летию создания ШОС) // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. – 2021. – Т. 13. – № 4. – С. 81-104.
4. *Eftekhari F.* Why Iran is so Keen on Joining the SCO? *The Diplomat*. September 7, 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://thediplomat.com/2021/09/why-is-iran-so-keen-on-joining-the-sco/> (дата обращения 15.08.2022).
5. *ASEAN and Regional Order: Revisiting Security Community in Southeast Asia*. Routledge, 2021.
6. *Alesina A., Rosenthal H.* A Theory of Institutional Balancing // *In Partisan Politics, Divided Government, and the Economy (Political) Economy of Institutions and Decisions*. – Cambridge University Press, 1995. – pp. 43-82.
7. *After hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton University Press, 2005.
8. *Brooks S. G., Wohlforth W. C.* *America Abroad: Why the sole superpower should not pull back from the world*. Oxford University Press, 2016.
9. *Caffarena A.* Diversity Management in World Politics. Reformist China and the Future of the (liberal) order // *The International Spectator*. – 2017. – V. 52. – № 3. – pp. 1-17.
10. *Breslin S.* The Normative Basis of Global Governance // *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. – 2020. – V. 13. – № 1. – pp. 1-5.
11. *Müller H.* The Nuclear Non-proliferation Treaty in Jeopardy? Internal Divisions and the Impact of World politics // *The International Spectator*. – 2017. – V. 52. – № 1. – pp. 12-27.
12. *Kirton J., Wang A. X.* China's Complex Leadership in G20 and Global Governance: From Hangzhou 2016 to Kunming 2021 // *Chinese Political Science Review*. – 2022. – pp. 1-50.
13. *Feng H., He K.* China's Institutional Challenges to the International Order // *Strategic Studies Quarterly*. – 2017. – V. 11. – № 4. – pp. 23-49.
14. ШОС. Декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. г. Астана, 5 июля 2005 г.
15. *Lo Bobo.* A Wary Embrace: What the China-Russia Relationship Means for the World. A Lowy Institute Paper. – Sydney: Penguin Australia, 2017.
16. *Лукин А.В.* Россия и Китай в Большой Евразии // *Полис. Политические исследования*. – 2020. – № 5. – С. 46-59.
17. Китай построит спецбазу для МВД Таджикистана на границе с Афганистаном // *РИА Новости*, 28.10.2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20211028/tadzhikistan-1756684202.html> (дата обращения 10.08.2022).
18. *Хлопов О.А.* Проблемы безопасности и интересы России и Китая в регионе Персидского залива // *Национальная безопасность и стратегическое планирование*. – 2021. – № 3(35). – С. 25-32. – DOI 10.37468/2307-1400-2021-3-25-32. – EDN IEYYHV.
19. *Seiwert E.* The Shanghai Cooperation Organization Will Not Fill Any Vacuum in Afghanistan. *Central Asian Papers*. Philadelphia, PA: Foreign Policy Research Institute, September, 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fpri.org/article/2021/09/the-shanghai->

cooperation-organization-will-not-fill-any-vacuum-in-afghanistan/ (дата обращения 11.08.2022).

20. Silk Road Briefing. Shanghai Cooperation Organization Not Recognizing Taliban Government But Will Have Dialogue. September 24, 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.silkroadbriefing.com/news/2021/09/24/shanghai-cooperation-organization-not-recognizing-taliban-government-but-will-have-dialogue/>. (дата обращения 11.08.2022).

21. Singh S., Singh B. Re-imagining the SCO's Geopolitical Expansion: Would It Be a Next SAARC? // *International Studies*. – 2021. – V. 58. – № 4. – pp. 491-512.

22. *Manyin M.E.* Pivot to the Pacific? The Obama Administration's "Rebalancing" Toward Asia. – Library of Congress Washington DC Congressional Research Service, 2012.

23. *Алимов Р.К.* Шанхайская организация сотрудничества: становление, развитие, перспективы. – М.: Весь мир, 2017.

Статья поступила в редакцию 17 августа 2022 г.

Принята к публикации 22 сентября 2022 г.

Ссылка для цитирования: Хлопов О.А. Роль России и Китая в Шанхайской организации сотрудничества в свете теории институционального баланса // *Национальная безопасность и стратегическое планирование*. 2022. № 3(39). С. 34-42. DOI: <https://doi.org/10.37468/2307-1400-2022-3-34-42>

For citation: Khlopov O.A. The role of Russia and China in the Shanghai cooperation organization in the light of the institutional balance theory // *National security and strategic planning*. 2022. № 3(39). pp. 34-42. DOI: <https://doi.org/10.37468/2307-1400-2022-3-34-42>

Сведения об авторах:

ХЛОПОВ ОЛЕГ АНАТОЛЬЕВИЧ – кандидат политических наук, доцент, доцент факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения, Российский государственный гуманитарный университет г. Москва, Россия
e-mail: rggu2007@rambler.ru

Information about authors:

KHLOPOV OLEG A. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Faculty of International Relations, Political Science and Foreign Regional Studies, Russian State University for the Humanities Moscow, Russia
e-mail: rggu2007@rambler.ru